но внедряемых, стереотипов студента как потребителя образовательных услуг. Нет, не продавать «услуги», а «вести заинтересованный диалог и личностно развиваться, обогащая себя освоением культуры иностранного языка» [Ляшук, с. 80] – вот на чем стоит журнал и чем он интересен читателю.

Кроме тех публикаций, которые цитируются в данном отзыве, представляют, на наш взгляд, значительный интерес статьи В.В. Прозорова (Россия) «Судьба кириллицы и вопросы национально-культурной идентичности», И. Кожневской Берчинской (Польша) «Этнолингвистические размышления о рыночном дискурсе и о маленьком человеке», В.Н. Киселева (Россия) «Закон», «Суд», «Справедливость» с точки зрения русской ментальности», Р. Опиц (Германия) «Портрет молодого человека. Михаил Лермонтов: Герой нашего времени (1840)», опубликованные в № 14 за 2011 г. Пятнадцатый номер журнала, вышедший в 2012 г. порадовал культурологическим этюдом Т.В. Кореньковой «Экзотизмы, интернационализмы и псевдоинтернационализмы в преподавании русской культуры в зарубежной аудитории», методическая статья Л. Риса (Чехия) «Школа и исправление человеческих дел», запали в душу фрагменты воспоминаний учительницы русского языка в Словакии Нелли Весела «Генеральские дети», повествующие о выживших в фашистском концентрационном лагере.

Журнал легко доступен в Интернете на страничке APC – Asociacia Rusistov Slovenska, URL: <http://www.ars.orava.sk/casopis>. Странички в pdf формате легко stiahnuť... «стягиваются», т. е. загружаются и распечатываются. Хорошо бы иметь возможность подписаться и на традиционный бумажный вариант, т. е. выписать этот журнал и полистать его дома, разглядеть фотографии, рисунки, еще раз повторить полюбившийся афоризм, но это, возможно, дело будущего. Пока же остается пожелать журналу процветания на многая и благая лета, а филологам, русистам – настоящим и будущим, всем интересующимся вопросами языка и культуры, знакомства или продолжения общения с умным и полезным изданием.

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2012.

Ляшук В. Дискурс в преподавании русского языка как иностранного (РКИ) // Русский язык в центре Европы. 2012. № 15. С.77–86. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ars.orava.sk/files/ars-15.pdf>

Прозоров В.В. Что несет с собой филологическая культура // Русский язык в центре Европы. 2012. № 15. С. 8–13. [Электронный ресурс] <http://www.ars.orava.sk/files/ars-15.pdf>

О.В. Спащиль

***Ильченко О.С.* История категории одушевленности в русском языке. СПб.: Нестор-История, 2011. 224 с.**

Книга О.С. Ильченко – результат серьезного, тщательно выполненного исследования, посвященного становлению и развитию категории одушевленности в русском языке. Несмотря на то что данной проблеме посвящены десятки специальных исследований (не говоря о сотнях работ, в которых она так или иначе затрагивается), тема монографии О. С. Ильченко является весьма актуальной, поскольку «загадка русской одушевленности» по-прежнему остается неразгаданной. В частности, остаются без ответа следующие вопросы: почему в

течение столетий сохранялась вариативность Р=В и И=В, при том что формы Р=В существительных разных лексико-семантических классов зафиксированы уже в первых письменных памятниках; почему только в русском языке – единственном из всех славянских языков – наиболее полно сформировалась категория одушевленности и др. Книга О. С. Ильченко – попытка, во многих отношениях успешная, дать ответ на поставленные вопросы и тем самым разрешить «загадку» русской одушевленности.

Автор показывает конкретно-исторические перипетии развития категории одушевленности в русском языке на материале письменных памятников. Следовало бы ожидать здесь чисто хронологического подхода (становление категории одушевленности в древнерусский период – в старорусских памятниках – в памятниках XVII–XVIII вв. и т. д.), однако О. С. Ильченко предлагает иную логику рассмотрения проблемы: люди (гл. 1) – животные (гл. 2). Такая композиция, призванная направить внимание читателя на развитие национально-русских представлений о живом и неживом, в целом соответствует исторической последовательности «втягивания» разных лексико-грамматических и лексико-семантических разрядов в орбиту категории одушевленности. Таким образом, автор демонстрирует единство логического и исторического методов познания изучаемого феномена.

К несомненным достоинствам рецензируемой монографии следует отнести комплексный интегративный подход к исследованию категории одушевленности, позволивший взглянуть на историю категории одушевленности не как на историю форм (что характерно для традиционной исторической морфологии) или историю конструкций (поверхностный синтаксический уровень), а как на историю развития значений (глубинный семантический уровень) в контексте формирования и развития восточнославянской ментальности. В этой связи были весьма плодотворно использованы идеи В. Н. Топорова, В. В. Колесова и других ученых, занимающихся проблемами связи ментальности и языка в диахроническом плане.

Широта исторического охвата, панорамность исторического взгляда на исследуемую категорию позволила автору по-новому осмыслить такие ранее остававшиеся необъяснимыми факты, как длительное, почти тысячелетнее варьирование форм Р=В и И=В, сохранившееся и в XXI в., показать связь с новым этапом развития мышления и мн. др. Последовательная реализация принципа антропоцентризма и лингвокогнитивного подхода помогла О. С. Ильченко связать развитие категории одушевленности с закономерностями развития человеческого мышления.

Весьма убедительно показано, как смена культурных парадигм в связи с принятием христианства, утверждением нового взгляда на человека в восточном православии (с. 79–83), его активность и свободу воли приводит к постепенному переосмыслению синтаксических отношений и семантического наполнения таких категорий, как субъект, объект, посессивность, переходность и др. Значимы выводы, посвященные анализу древнерусских представлений о социальном полноправии / неполноправии лиц (с. 24–26), характере княжеской власти (с. 45–46), об оппозициях «хозяин – слуга», «свой – чужой» (с. 61–62), об общественной иерархии в Московской Руси (с. 114); представлений древнерусского книжника о животном мире (с. 155–157, 163) и мн. др.

Эти выводы важны и для исторической стилистики. Традиционно считается, что основным источником всех важнейших изменений в языковой системе является живая разговорная речь, тогда как книжные разновидности языка

во всех отношениях консервативны. Это ошибочное утверждение часто приводило историков языка к неверной оценке значимости показаний тех или иных источников. Мы видим, что основным импульсом к развитию такой важной для русского языка категории, как одушевленность, стала христианская культура, пришедшая с церковной книжностью. Книжно-литературные тексты имеют, следовательно, не меньшую, если не большую, эвристическую ценность, и не только для истории литературного языка, но и для истории национального языка в целом.

Последовательно проведенный жанрово-стилистический подход к исследуемому материалу, возврат к филологической традиции изучения памятников является сильной стороной книги. Дело в том, что традиционная историческая русистика эмпирическим путем выделила факторы, влияющие на процесс развития Р=В, но теоретически так и не смогла объяснить, *почему и при каких условиях* эти факторы становятся релевантными для грамматических связей и отношений. Поэтому, по мысли автора, на повестку дня исторической русистики XXI в. встает вопрос не только и не столько о введении в научный оборот новых языковых фактов, но – прежде всего – о переинтерпретации известного материала в свете современных когнитивных теорий. На наш взгляд, эта переинтерпретация в целом удалась, при этом она не стала нигилистическим отказом от тех выводов, которые сделали классики исторического языкознания, а предстала как новое углубление этих выводов. Так, О. С. Ильченко не отказывается полностью от традиционной социологической гипотезы, объяснявшей закрепление формы Р=В прежде всего за словоформами м. р., обозначающими социально полноправное действующее лицо, но в значительной степени корректирует эту гипотезу, обращая внимание на то, что интерпретация того или иного объекта как социально значимого, активного или как социально неполноправного, пассивного зависит от конкретной ситуации, и, следовательно, выбор формы Р=В или И=В обуславливается контекстной семантикой (ср. наблюдения и выводы на с. 35, 59, 162 и мн. др.).

Книгу отличает тонкость, и даже филигранность филологического анализа памятников письменности. Ср., напр., такие наблюдения автора: «...в контекстах, отражающих намерение группы людей выбрать *для себя* правителя, уместна форма И=В: **1102: въскормил ксмы собѣ князь** (Лавр. лет., 276). Если же речь идет о князе как о самостоятельной активной личности, используется форма Р=В: **945: 945: се княза оубиномъ Рускаго** (там же, 55); **946: вѣдѣху бо ко сами оубили княза** (там же, 58). Таким образом, не только и даже не столько социальное положение объектов диктует выбор падежной формы» (с. 45–46). Или: «Перемена стиля – с *делового* описания конкретных событий на абстрактные *церковные* сентенции – влечет за собой перемену в представлении объектов: **1319: и посла к нему князь Дмитрен Мнханловичъ брата своего князя Александра и бояръ своих** <...> **Тако бо уднви богъ святаы своя угоднигы пострадавшя за него** (там же, 166); **1400: Последи же целова дѣтен своихъ и бояръ и слугъ и всѣхъ сущихъ своихъ. Учасе же дѣти своя, глаголя: чада моя, <...>**» (там же, 230)» (с. 112).

Монография О. С. Ильченко читается с большим интересом, содержит множество частных наблюдений, замечаний и выводов, свидетельствующих о том, что автору присущи острый и внимательный филологический взгляд на текст, тонкость и точность стилистического и грамматического анализа изучаемых форм. Ограниченность объема рецензии не позволяет остановиться на всех этих вопросах, в том числе и дискуссионного характера, поэтому в заклю-

чение подчеркнем, что предпринятое автором исследование грамматической категории одушевленности в антропоцентрических координатах ставит и решает проблему, чрезвычайно важную для изучения истории русского языка и сравнительно-исторического языкознания, исторической морфологии, исторического синтаксиса и исторической стилистики русского языка и стимулирует дальнейшие поиски в этом направлении.

П. А. Семенов